

еlеllе

скандинавская линия

ХАННЕС РОСТАМ

ТОМАС КВИК

«В своей книге Ростам расплетает страшный клубок из подправленных допросов, псевдонаучных теорий, сокрытых и подделанных документов, коррупции и кумовства»

Коко Ульсен, «ЛитературМагасинет»

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

18+

Ханнес Ростам
Томас Квик. История
серийного убийцы
Серия «Скандинавская
линия «НордБук»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68850564

Томас Квик. История серийного убийцы:

ISBN 978-5-907483-32-3

Аннотация

Эта книга – журналистское расследование Ханнеса Ростам (1955-2012), посвящённое первому шведскому «серийному убийце» Томасу Квику.

Томас Квик – псевдоним Стуре Бергваля (р. 1950). Он взял его после совершения ограбления, когда о нём начали писать газеты. В его «послужном списке» более двадцати признаний в совершении убийств и восемь приговоров суда. В интервью Ханнесу Ростаму он заявляет о том, что на самом деле никого не убивал, и журналист начинает расследование. Всплывающие факты переворачивают представление о работе судебной и медицинской систем Швеции: речь идёт об одном из крупнейших скандалов в истории страны.

По материалам расследования Ростам сначала снял двухсерийный документальный фильм, получивший престижную шведскую награду «Золотая лопата» (2009), а затем написал книгу, которую вы и держите в руках. Эти события позднее легли в основу художественного фильма «Идеальный пациент» (2019).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие переводчика к русскому изданию	6
Предисловие Лейфа Г. В. Перссона[13] к шведскому изданию	31
I	35
Больница города Сэтер,	35
Человек из Сэтера	39
На первых полосах газет	49
Чарльз Зельмановиц	56
Аппояуре	63
Йенон Леви	79
Терес Юханнесен	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ханнес Ростам

Томас Квик. История серийного убийцы

© Hannes Råstam, 2012

© Ю. Антонова, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2022

Посвящается моим детям

*«Человеку хочется, чтобы его любили.
Не получая любви, он жаждет восхищения.
Не имея восхищения, он стремится вызвать
у окружающих страх. А если и это не
удастся – то ненависть и отвращение.
Человек ощущает потребность пробуждать
в других чувства. Душа содрогается от
пустоты и требует быть услышанной
любой ценой».*

Из книги Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас»

Предисловие переводчика к русскому изданию

Кто такой Томас Квик?

Кто такой Томас Квик? Сам он отвечает на этот вопрос так: «Вымышленный персонаж. *Я лично* придумал его. В то время я находился под постоянным воздействием наркотиков и гипноза, в который меня вводили терапевты Сэтерской клиники и в какой-то степени – я сам».

Пожалуй, в Швеции едва ли найдётся человек, ничего не слышавший о Томасе Квике. Это имя стало известно в 1992 году, когда сорокадвухлетний Стуре Бергваль оказался фигурантом нескольких громких дел об убийствах и взял себе новое имя. Томасу Квику предстояло стать «первым настоящим серийным убийцей Швеции», а затем, благодаря Ханнесу Ростаму, войти в число «самых обычных лжецов». Но как он превратился в злодея и маньяка, одна мысль о котором заставляла вздрагивать всех, даже его собственных братьев и сестёр?

С самого детства Стуре Бергваль ощущал, что он не такой, как все. Он шепелявил, что весьма смущало его и было предметом издевательств – даже со стороны близких: «Каждый раз, когда я пытался произнести звук “с”, мой язык поднимался к верхним зубам, и, как бы я ни старался, у меня не

получалось говорить нормально. Мои братья и сёстры дразнили меня, и я каждый раз мчался в чулан поплакать. Когда слёзы наконец переставали течь, я ещё какое-то время не выходил: не хотел, чтобы на лице оставались хоть какие-то следы отчаяния» ¹.

Перенесённый в раннем возрасте туберкулёз сказался на здоровье Стуре – к тому же в санатории, куда его поместили на лечение, он впервые столкнулся со смертью: «Болезнь и смерть шли рука об руку, и я вдруг осознал, для чего сотрудник в коротком белом халате возил по коридору тётъ и дядь, накрытых белыми простынями. Это были умершие пациенты, люди, жизнь которых забрала болезнь, люди, не способные более дышать из-за превратившихся в труху лёгких» ².

Столкнуться со смертью Стуре Бергвалю предстояло ещё не раз. Он признаётся, что самой тяжёлой утратой для него стала смерть Тома – человека, которого он любил и с которым надеялся обрести счастье. В интервью газете «Экспрес-сен» от 15 сентября 2016 года Бергваль вспоминает: «Сначала я не раз влюблялся в одноклассников, а потом полюбил человека, которого называю Томом. Его смерть всё во мне перевернула, меня охватили отчаяние и безнадёга. Благодаря Тому я избавился от давней наркотической зависимости,

¹ Из автобиографии Стуре Бергваля «Лишь я один знаю, кто я такой» (Bara jag vet vem jag är). Издательство Forum, 2016. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.) 11 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

² Из автобиографии Стуре Бергваля. 12 Ханнес Ростам

но после его смерти я снова оказался на грани, и обратного пути уже не было».

«Для меня теперь не существовало ни дней, ни ночей, – пишет Бергваль в своей автобиографии. – Птицы больше не пели, а на озере Рунн не сверкала гладь воды. Том был мёртв. Том, своей любовью подаривший мне жизнь».

Гомосексуальность Бергваля, в те далёкие годы считавшаяся отклонением от нормы, стала, пожалуй, главной его проблемой. «Меня вызвали к директору, который счёл моё поведение ужасным, – рассказывает Стуре о своих школьных годах в интервью телеканалу TV4 26 сентября 2016 года. – Директор отправил меня к психиатру, и тот решил лечить мой невроз. Гомосексуальность считалась неврозом, а лечение состояло в инсулиношоковой терапии. Мне кололи инсулин, чтобы ввести меня в бессознательное состояние.

Так и началась моя, что называется, “проблемная карьера”: я стал употреблять наркотики».

«Ларс был первым, кто заговорил со мной после школьной дискотеки. Раньше я с ним особо не общался, а тут мы даже отправились вместе на прогулку. Из кармана куртки он достал плоский коричневый пузырёк:

– Сейчас ты окажешься на седьмом небе.

Пузырёк был крошечным, не больше десяти сантиметров высотой. На этикетке красовалась надпись “Трихлорэтилен”.

– Ты пробовал это раньше? – поинтересовался Ларс.
– Нет, – ответил я.
– Это лучше перекуса. – Он протянул мне пузырёк. –
Просто повторяй за мной.

[...]

Я сделал так же, как Ларс: брызнул немного жидкости на носовой платок, поднёс его к носу и ко рту и глубоко вдохнул»³.

В 1974 году Бергваля поместили в психиатрическую клинику города Сэтера, где его гомосексуализм пытались излечить при помощи нового экспериментального метода – электрошоковой терапии: «[Врач] показывал слайды с обнажёнными мужчинами и женщинами. На руки мне нацепили металлические датчики, подсоединённые к электрошоковому аппарату. Когда на экране появлялась обнажённая женщина, ничего не происходило, но при появлении голого мужчины меня ударяло током.

В тот же год я, одурманенный барбитуратами и трихлорэтиленом, напал с ножом на мужчину и тяжело его ранил. Я был уверен: передо мной находилось чудовище. Я не мог отличить реальность от галлюцинаций⁴.

Шоковая терапия. Она должна была превратить меня в того, кем я по своей сути не являлся. Не излечить меня, не

³ Из автобиографии Стуре Бергваля.

⁴ За данное преступление Бергваля не привлекли к уголовной ответственности, поскольку он проходил лечение в психиатрической клинике. 13 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

смягчить мою боль, а переделать меня, сделать из меня приспособленца ради удовлетворения нужд безумной психиатрии, пронизанной псевдонаучными идеями тогдашних специалистов»⁵.

Будучи неспособным обрести понимание и любовь и вместе с тем испытывая финансовые трудности, Стуре Бергваль решил на ограбление. Угрожая расправой членам взятой в заложники семьи и ударяя ножом по колыбели, в которой спал ребёнок, он вместе с компаньоном потребовал дать ему двести сорок пять тысяч крон⁶. Спустя полгода суд вынес приговор: назначить Стуре Бергвалю курс принудительного лечения в психиатрической клинике города Сэтера.

«После ограбления в 1990 году я лишился своей собственной семьи, – делится Бергваль воспоминаниями в интервью газете «Экспрессен» от 15 сентября 2016 года. – Отчасти – потому что в мою жизнь вернулись наркотики, а ещё – потому что я жутко стыдился этой криминальной истории и боялся увидеть разочарование в глазах моих близких. В Сэтере оказался чрезвычайно одинокий человек, человек, потерявший всякую надежду на хорошую жизнь».

«Стуре Бергваль был в ужасном состоянии – рассказывает сам Стуре в интервью телеканалу TV4

⁵ Из автобиографии Стуре Бергваля.

⁶ Около двадцати четырёх тысяч евро. 14 *Ханнес Ростам*

17 сентября 2016 года. – В Сэтер попал невероятно одинокий человек, и в закрытом отделении клиники он обрёл некий смысл и увидел любовь, которой в свою очередь начал делиться с другими».

«Самым важным для меня было желание нравиться здешнему персоналу, – говорит Бергваль в интервью, опубликованном на Youtube-канале «GeWe» ⁷ 8 июля 2015 года. – В журналах сохранились многочисленные записи, где описываются и превозносятся мои мужество, способность признать тяготы детства и смелость говорить обо всех этих тяжких убийствах».

Стуре Бергваль заявил о тридцати девяти убийствах, совершённых им в Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии с 1964 года по 1993 год. За восемь из них он был осуждён.

Первым стало признание в убийстве одиннадцатилетнего Юхана Асплунда, пропавшего в Сундсвалле 7 ноября 1980 года. Исчезновение Юхана потрясло всю Швецию и стало одним из самых громких нераскрытых дел в стране. Полиции так и не удалось обнаружить останки мальчика, и официально его признали умершим только в 2018 году.

Вскоре последовало признание в убийстве Томаса Блумгрена, произошедшем в 1964 году, когда Стуре Бергвалю бы-

⁷ Youtube-канал «GeWe» создан для популяризации известного шведского писателя-криминалиста Лейфа Г. В. Перссона. Со временем на канале стали появляться интервью, документальные фильмы и материалы, посвящённые громким преступлениям и проблемам шведского общества. 15 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

ло 14 лет. Позднее Бергваль составил список своих жертв, расположив их в хронологическом порядке. По имени он назвал не всех, ссылаясь на плохую память, давность совершения преступления или желание «окрестить жертву именно так».

<i>Имя</i>	<i>Дата исчезновения / убийства</i>	<i>Дата признания</i>	<i>Дата вынесения приговора</i>
Томас Блумгрэн	1964		
«Ларс, очень юн»	1965		
Альвар Ларссон	1967		
«Мальчик из лазарета»	1969		
«Михаэль»	1970/71		
Райне Свенссон	1971		
«Пер»	1972		
«Бьёрн», 11–12 лет	1972/74		
«Мартин», 14 лет	?		
Чарльз Зельмановиц, 15 лет	1976	1994	1994
Бенни Форсгрэн	1976		
Юхан Асплунд	1980	1993	2001
Томас Йонссон	1980		

<i>Доказательства технического характера</i>		<i>Удовлетворение ходатайства о пересмотре дела и признании невиновным</i>
В 1982 г. обнаружен череп		
Тело не найдено, однако рядом с больницей обнаружены его вещи	<p>Райне Свенссон работал санитаром в одной из клиник Сундсваля, где в своё время находился Стуре Бергваль.</p> <p>Райне — единственная жертва Бергваля, знакомство с которой полиции удалось установить</p>	
Обнаружены останки в 1993 г.		<i>2012</i>
Тело не обнаружено		
		<i>2011</i>

<i>Имя</i>	<i>Дата исчезновения / убийства</i>	<i>Дата признания</i>	<i>Дата вынесения приговора</i>
Марианне Кнутсен, 7 лет (Норвегия)	1981		
Магнус Норк, 3 года	1981		
«Мальчик из Вэрмланда»	1981/82		
Женщина, 20–24 года	1982/83		
«Мальчик с			

<i>Доказательства технического характера</i>		<i>Удовлетворение ходатайства о пересмотре дела и признании невиновным</i>
Тело не найдено	<p>Квик признался в убийстве Марианне в 2000 г., через несколько дней после признания в убийстве Трине Йенсен</p> <p>По этому делу Бергваль был впервые напрямую допрошен норвежской полицией, хотя к тому моменту ему уже были вынесены приговоры за совершение трёх убийств на территории Норвегии</p> <p>Связь Бергваля с данным преступлением не удалось установить. Убийство не раскрыто, дело закрыто в 2006 г. в связи с истечением срока давности.</p>	
Задушен. Тело оставлено в мусорном баке	Бергваль признался в убийстве в 2000 г. До этого главной подозреваемой являлась 17-летняя няня мальчика, однако для привлечения её к суду доказательств оказалось недостаточно. Убийство не раскрыто, дело прекращено в связи истечением срока давности в 2006 г.	

<i>Имя</i>	<i>Дата исчезновения / убийства</i>	<i>Дата признания</i>	<i>Дата вынесения приговора</i>
Супруги Стегехёйс (39 лет и 34 года)	<i>1984</i>	<i>1994</i>	<i>1996</i>
Молодой человек	<i>1985</i>		
Грю Стурвик, 23 года (Норвегия)	<i>1985</i>		<i>2000</i>
«Молодой человек, 20 лет»	<i>1985/86</i>		
Йенон Леви, 24 года	<i>1988</i>		<i>1997</i>
Терес Йоханнесен, 9 лет (Норвегия)	<i>1988</i>		<i>1998</i>
«Мальчик» (Норвегия)	<i>1989</i>		
«Душка» (Норвегия)	<i>1989</i>		
—			

<i>Доказательства технического характера</i>		<i>Удовлетворение ходатайства о пересмотре дела и признании невиновным</i>
Убиты ножом	Бергваль признался в убийстве в 1994 г., вскоре после вынесения обвинительного приговора по делу об убийстве Чарльза Зельмановица. Отсутствуют доказательства технического характера; приговор вынесен на основе свидетельских показаний Бергваля	<i>2012</i>
Обнаружена мёртвой на парковке. Обнаружены следы спермы, не принадлежавшей Бергвалю	Отсутствуют доказательства технического характера; приговор вынесен на основе свидетельских показаний Бергваля	<i>2011</i>
Тело обнаружено		<i>2009</i>
Тело не обнаружено	Отсутствуют доказательства технического характера, приговор вынесен на основе свидетельских показаний Бергваля	<i>2010</i>

Незадолго до первых признаний Стуре Бергваля сочли здоровым.

Он получил квартиру в крошечном городке Хедемуре, куда вот-вот собирался переехать. Однако оставлять старое имя он не хотел: его чересчур хорошо знали, поскольку в местных газетах весьма подробно описывалось дерзкое ограбление банка, организованное Бергвалем в 1969 году.

«Я понял, что мне необходимо сменить имя. На двери моей квартиры не могло быть написано “Стуре Бергваль”: я был слишком известен в этих краях...

Но какое же имя взять? Вернувшись в Сэтер, я сел за стол и посмотрел в окно, на парковку и старый корпус.

Я попытался подобрать ассоциации исходя из того, что видел. Берёзы, дуб, зелёный холм. Мне ничего не приходило в голову, но неожиданно я подумал: почему бы не взять девичью фамилию мамы – Квик?

В Хедемуре у меня будет спокойная жизнь, и никто не будет связывать Квика с Бергвалем. Ну, а раз я поменял фамилию, то можно заодно сменить и имя.

Я принялся называть разные имена, чтобы понять, какое из них лучше всего сочетается с фамилией “Квик”. Так я дошёл до имени “Томас”. Звучало неплохо! Томас Квик. Вот как я теперь буду зваться. Я не забуду своё прошлое, но ничто не будет напоминать мне о нём.

Томас Квик, Ньюгатан, 6В, Хедемура.

Как только я произнёс своё новое имя, мной

овладело отчаяние. Смогу ли я жить в Хедемуре? Я изменил имя – но избавился ли я от всего остального? И что будет с моим рассказом о Юхане Асплунде?

[...]

Время от времени меня отпускали в Хедемуру. Я гулял по улицам, охваченный чувством одиночества. У меня не было ни друзей, ни знакомых в городе, где особенно ничего не происходило.

Я сел на скамейку у белой церквушки. Неподалёку стояли высокие надгробные плиты с именами торговцев. Мимо прошла пожилая пара с потухшими глазами, и я осознал: я не смогу жить в Хедемуре. В глубине души я почувствовал какую-то безутешность, которая настигнет меня здесь. Я начал плакать.

Что со мною станется?»⁸

Признания в убийствах продолжались в течение нескольких лет. Томас Квик, как теперь звали Стуре Бергваля, в мельчайших подробностях рассказывал о своих жертвах и злодеяниях, повергая в ужас всех и каждого.

Но в один прекрасный день он замолчал. Семь лет он жил в уединении, отказываясь встречаться с полицией и журналистами. И тут появился Ханнес Ростам. Но почему Стуре Бергваль согласился поговорить с ним?

«Решающим фактором оказался его документальный фильм “Почему они признавались?”

⁸ Из автобиографии Стуре Бергваля. 23 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

о “фалунском поджигателе”. Я получил письмо от Ростамы через несколько дней после выхода этого фильма. Манера Ханнеса располагала к себе, да и тема была мне очень близка. Но всё же первостепенное значение имел его тон, его голос. Так что, получив письмо, я ответил: “Да, приходите”. Я не питал иллюзий и не думал, что это к чему-то приведёт», – рассказывает Бергваль в интервью, опубликованном на канале «GeWe».

«Персонал озадачен появлением Ханнеса. Некоторые спрашивают, собираюсь ли я показать ему свои тайники:

– Ну, чтобы родные жертв наконец успокоились, – говорит Бенгт.

Я молчу. В голосе Бенгта слышится мольба, какое-то неприятное ожидание.

Я не верю и даже не надеюсь, что Ханнесу удастся сотворить чудо. Я там, где я есть. Но я благодарен ему за проявленный интерес и рад, что наконец могу с кем-то поговорить. Это как раз то, что мне нужно после семи лет тишины»⁹.

Расследование Ханнеса Ростамы завершилось созданием двухсерийного документального фильма «Секреты Сэтера».

«Передо мной мелькают кадры, я слышу деловитый, но всё же мягкий голос Ханнеса. В этот момент я отказываюсь

⁹ Из автобиографии Стуре Бергваля.

от признаний и общественность наконец узнаёт об удивительных и безумных подробностях полицейских расследований.

[...]

Я слышу свой собственный голос:

– Я не совершал тех преступлений, за которые осуждён. И не совершал других убийств, в которых признался. Вот так. Через несколько секунд в мою дверь стучат.

Два пациента, Мохаммед и Петер, протягивают мне руки.

– Отличный фильм, поздравляем! Мы на твоей стороне. Для нас это так же важно, как и для тебя. [...] Мы смотрели программу в общем зале. Как только раздавались твои слова, персонал начинал хихикать и подтрунивать. Теперь тебе придётся нелегко! Но держись, мы с тобой»¹⁰.

Новый адвокат Квика подал ходатайство о пересмотре судебного решения, касающегося убийства Йенона Леви: если суд признает Бергваля невиновным, то можно будет попробовать оправдать его и в других случаях. Окончательно все обвинения были сняты в 2014 году. В 2015 году Бергваль покинул закрытое отделение Сэтерской клиники и переехал в местечко Дювед на севере Швеции. Зимние месяцы он проводит на Майорке.

В интервью газете «Афтонбладет» в апреле 2014 года Стуре Бергваль рассказал:

¹⁰ Из автобиографии Стуре Бергваля. 24 *Ханнес Ростам*

«[Эти 23 года в Сэтере] сделали меня – как я надеюсь, да и вполне ощущаю – более покорным и сильным. Пять лет пересмотров судебных решений превратили меня в сильного человека».

Спустя два с половиной года Бергваль, написавший автобиографическую книгу «Лишь я знаю, кто я такой», пояснял газете «Экспрессен»:

«Когда мы только начали подавать ходатайства о пересмотре, адвокат Томас Ульссон предупредил: будут люди, которые попытаются меня морально уничтожить. Всё так и вышло.

[...]

[Годы в Сэтере] – невероятно печальная глава в моей жизни, но в то же время видна и моя сильная сторона: я не впадаю в уныние. Возможно, в этом теперь и есть моя сила: не думать целиком и полностью только об этих годах. Я сумел написать книгу и тем самым поставить точку. Я наслаждаюсь каждым днём».

Незадолго до смерти Ханнес Ростам говорил Стуре Бергвалю:

«Я хочу, чтобы моя книга пролила свет на крупнейший в нашей истории скандал в правовой системе. Хочется верить, что виновные за всё ответят».

«Спустя два дня Ханнеса не стало. Он подарил мне новую жизнь. Если бы не его пронизательность и глубокая эмпатия,

я бы так и остался пленником Сэтерской клиники. Если бы не его упорная борьба за правовое общество и невероятная способность докапываться, в глазах общественности я бы так и остался убийцей.

А теперь его нет – его, подарившего мне жизнь» ¹¹.

Фильм Ханнеса Ростам завершает трогательная исповедь самого Стуре Бергваля:

«Я хочу привлечь внимание к судебной психиатрии и тому, что может происходить за дверями кабинета, где идёт терапевтический сеанс.

Я хочу, чтобы для моих братьев и сестёр восторжествовала справедливость.

Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала и для родственников жертв.

Я хочу, чтобы люди поняли: в нашем обществе отсутствует правовая защищённость.

Я хочу, чтобы люди узнали: судами манипулируют полиция, прокуратура и даже судебная психиатрия.

Вот и всё, чего я хочу.

И ради собственного успокоения я хочу сказать правду: я не совершал тех преступлений, за которые осуждён. И не совершал других убийств, в которых признался. Вот так» ¹².

¹¹ Из автобиографии Стуре Бергваля. 25 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

¹² Из документального фильма Ханнеса Ростам «Секреты Сэтера». – *Прим.*

Юлия Антонова

Предисловие Лейфа Г. В. Перссона¹³ к шведскому изданию

Позвольте мне поведать историю о серийном убийце Томасе Квике. За тридцать лет он убьёт почти тридцать человек: это будут женщины и мужчины, подростки и дети.

Впервые он преступит закон в 1964 году – тогда ему будет всего четырнадцать. Эта история сразу даст понять, как будут совершаться его дальнейшие деяния. Зверские расправы с изнасилованиями, пытками, убийством и расчленением жертв. Он будет пить их кровь и съедать части их тел, что-то забирать с собой в качестве трофеев, чтобы и дальше подпитывать свою фантазию, пока не найдётся новая жертва. Затем он будет избавляться от останков, измельчая, закапывая или просто бросая их в канаву.

Учитывая жестокость преступлений и количество жертв, Томаса Квика нельзя назвать обычным серийным убийцей. Его имя стоит одним из первых в списках таких же, как он, душегубов. А некоторые злодеяния и вовсе превращают его в уникальный экземпляр в истории мирового криминала. О

¹³ Лейф Густав Вилли Перссон – без преувеличения самый известный криминалист Скандинавии, эксперт по вопросам преступности, советник Министерства юстиции Швеции, профессор Национального совета полиции Швеции, а также талантливый писатель, автор девяти романов, переведённых на многие языки. – *Прим. ред.*

его преступлениях будут писать на протяжении пятнадцати лет, но со временем в эти истории вкрадётся одно «но»: всё вышесказанное – неправда. Всё это лишь выдумка. Томас Квик никого не убивал – он даже никогда не встречался со своими жертвами. Это всего лишь плод человеческой фантазии – с лицом и телом Томаса, однако создавал этот образ кто угодно, только не он сам.

Ханнес Ростам поведал миру всю правду. Историю о Стуре Бергвале, родившемся в 1950 году в небольшом местечке Корснэс недалеко от Фалуна. С раннего детства у Стуре наблюдались тяжёлые физические и психические отклонения, на полжизни превратившие его в пациента психиатрической больницы, с сильными зависимостями – алкогольной и наркотической, вызванными, среди прочего, тяжёлыми медицинскими препаратами. Ростам рассказал, как правовая система в союзе с психиатрией слепили из тяжело больного наркомана и выдумщика «серийного убийцу».

Ростам подарил нам книгу, в которой не просто описал происходящее – он вытащил наружу всю подноготную, показав в истинном свете злодеев, стоявших за спиной лжеца.

Первые скептики дали о себе знать ещё в начале 1990-х, когда мысли о «серийном убийце Томасе Квике» только-только начали нас будоражить. Ханнес Ростам вышел на передний план значительно позже. Он не слишком похож на Джона Уэйна, Джеймса Бонда или доморощенного Карла Хамильтона. Ростам – высокий худощавый журналист, сдер-

жанный и корректный, изредка позволяющий себе едва заметную улыбку. Вот такой человек создал три программы о Нашем Собственном Маньяке и в последнюю секунду помог тому признаться, что всё сказанное им раньше было лишь игрой воображения. Этот «маньяк» даже объяснил нам, почему так поступил и кто заставил его это сделать.

Всё это напомнило фильмы моего детства, где реальность была раскрашена чёрной и белой краской, где всемогущая кавалерия в последнюю минуту врывается в кадр с саблями наголо под звуки фанфар – но на сей раз «кавалерию» возглавил журналист-расследователь, который вдруг оказался как две капли воды похож на того самого Джона Уэйна.

Скепсис скепсисом, но кому нужна эта крошечная кучка так называемых «отважных журналистов», «исследователей», «юристов» и прочих – всех тех, кто сейчас огрызается исключительно из принципа? У кого хватает нахальства не менять фамилию даже теперь, в изменившихся обстоятельствах? Не будь Ханнеса Ростамы, мы до сих пор терялись бы в догадках – а некоторые из нас и вовсе выбросили бы всё это из головы.

На пути к правде о Томасе Квике Ханнесу Ростаму удалось показать увлекательный эпизод из истории шведской правовой системы – обычно я так не говорю, ведь подобные книги редко доставляют читателю удовольствие. Однако в данном случае всё именно так. Книга Ростамы хорошо написана, и события в ней прекрасно изложены. В ней рассказано

о шведской судебной машине, презревшей моральные, правовые и интеллектуальные устои, а также о системе психиатрического лечения, скорее напоминающей истории из Советского Союза, о которых, как мы думали, мы можем узнать только из книг. Когда мы читали такие истории, то знали наверняка: с нами такого просто не может произойти.

Подведу итог. Перед вами книга о том, что произошло, когда шведские полицейские, прокуроры, адвокаты и судьи при поддержке врачей, психологов, так называемого «специалиста по вопросам памяти», а также многочисленной когорты журналистов и представителей культурной прослойки нашего общества, возвели психически больного лжеца в статус «самого страшного серийного убийцы за всю историю человечества».

Это ужасно. Но это правда. И это выдающаяся книга.

Лейф Г. В. Перссон

I

«Когда узнаёшь ужасную правду о том, что Томас Квик делал со своими жертвами – и когда вдруг слышишь его глубокое, звериное рычание, – остаётся лишь один вопрос: неужели это и впрямь человек?»

ПЕЛЛЕ ТАГЕССОН, криминальный репортёр, газета «Экспрессен», 2 ноября 1994 года

Больница города Сэтер, понедельник, 2 июня 2008 года

Серийный убийца, садист и каннибал Стуре Бергваль не принимал посетителей вот уже семь лет. В напряжённом ожидании я зашёл в проходную Сэтерской психиатрической больницы.

– Ханнес Ростам, Шведское телевидение. У меня назначена встреча со Стуре Бергвалем...

Я положил свою пресс-карту в выдвижной поддон из нержавеющей стали и посмотрел на охранника, которого от меня отделяло пуленепробиваемое стекло. Тот сообщил: договорённость о встрече подтверждена.

– Пройдите в пункт досмотра. Не прикасайтесь к двери! Следуя инструкциям скрипучего голоса, доносившегося

из динамика, я прошёл мимо автоматической двери, затем через пару металлодетекторов, потом снова через автоматическую дверь – и наконец оказался в комнатке, где женщина-санитар тщательно осмотрела мою сумку.

Следуя за провожатой, я попал в непостижимую систему коридоров, лестниц и лифтов. Каблуки дамы стучали о бетонный пол. Тишина, звон ключей у каждой стальной двери, пищание электронные замки, гремящие бронированные двери.

Томас Квик заявил, что совершил более тридцати убийств. Шесть судов единогласно признали его виновным в убийстве восьми человек. После последнего приговора, вынесенного в 2001 году, он взял своего рода «тайм-аут», принял своё прежнее имя – Стуре Бергваль – и затих. За семь лет, которые прошли с тех пор, вопрос о виновности Квика всплывал не раз. Был ли он серийным убийцей или же патологическим лжецом? Что думал обо всём этом *сам* главный герой хроник, не знал никто. И вот теперь мне предстояло с ним встретиться. Лицом к лицу.

Санитарка проводила меня в огромное пустое отделение с отполированным до блеска полом и указала на маленькую комнатку – там я должен был ждать Квика.

– Он скоро будет, – сказала она.

Внезапно меня охватило какое-то неприятное чувство.

– Вы будете за дверью, пока я здесь?

– Это отделение закрытого типа. Тут нет персонала, – бросила в ответ санитарка. Будто прочитав мои мысли, она протянула мне маленький брелок. – Хотите подать сигнал тревоги, если что?

Я посмотрел на неё и на крошечный чёрный прибор.

Стуре Бергваль находился на лечении с 1991 года. Он считался настолько опасным, что ему позволяли покидать место заточения лишь раз в шесть недель. В день своеобразного «отпуска» он мог куда-нибудь съездить на машине – правда, при условии, что его будут сопровождать три санитаря.

«Что ж, безумцу разрешают смотреть на горизонт, дабы он окончательно не лишился рассудка», – подумалось мне.

У меня была всего пара секунд, чтобы решить, нужна мне тревожная сигнализация или нет. Но я никак не мог сообразить, что ответить.

– В соседней комнате есть кнопка вызова охраны, – сказала санитарка.

«Она что, издевается?» – пронеслось в моей голове. Она ведь не хуже меня знает, что ни одной жертве Квика не помогла никакая кнопка.

Мои размышления прервались, когда в дверях появился Стуре Бергваль в сопровождении двух санитаров. Ростом метр восемьдесят девять сантиметров, одетый в потёртые джинсы, сандалии и застиранную толстовку, которая когда-то была лиловой, он неуверенно улыбнулся и протянул

руку, чуть подавшись вперёд, словно не желая вынуждать меня подходить к нему слишком близко.

Я взглянул на руку, которая, если верить её хозяину, отравила на тот свет не меньше тридцати человек.

Рука была влажной.

Санитаров и след простыл.

Я остался наедине с каннибалом.

Человек из Сэтера

Неприятную новость о признании в убийстве Юхана Асплунда распространили СМИ. Как обычно.

Журналист из газеты «Экспрессен» явно куда-то торопился, а потому не стал ходить вокруг да около:

– В Фалуне один мужик признался в убийстве вашего сына Юхана. Прокомментируете?

Анна-Клара Асплунд стояла в прихожей в верхней одежде с ключами в руках. Она только-только вернулась с работы. Открывая дверь, она услышала, как зазвонил телефон.

– Я немного тороплюсь, – попытался объясниться журналист. – Мне завтра будут удалять грыжу, и надо бы успеть сдать статью.

Анна-Клара Асплунд плохо осознавала, о чём он говорит. Его слова разбередили давнюю, так и не зажившую рану. С этого дня – понедельника 8 марта 1993 года – ей вновь пришлось погрузиться в кошмар.

Сорокадвухлетний пациент, находившийся в психиатрической клинике в Сэтере, признался в убийстве её сына – именно так сказал журналист. «Это я убил Юхана». Анна-Клара никак не могла взять в толк, почему полиция сперва рассказала об этом газете «Экспрессен», а не ей.

7 ноября 1980 года жизнь Бьёрна и Анны-Клары Асплунд

превратилась в настоящий ад. Это была «самая обычная пятница», как принято говорить. Но ведь день не может быть обычным, если случается *такое*. Анна-Клара приготовила завтрак для одиннадцатилетнего Юхана, попрощалась с ним и побежала на работу. Около восьми утра сын отправился в школу, до которой было каких-то триста метров. В здание он так и не попал, и с тех пор о нём не было никаких известий.

В тот же день полиция приступила к поискам мальчика. Были задействованы вертолёты и тепловизоры, полицейские начали прочёсывать местность, но ребёнка будто след простил.

В Швеции история с исчезнувшим Юханом стала одной из главных загадок для криминалистов. Его родители давали бесконечные интервью, принимали участие в съёмках документальных фильмов и приходили на различные ток-шоу. Каждый раз они рассказывали, каково это – потерять единственного ребёнка, не зная, что с ним произошло, не иметь даже могилы, которую можно было бы навещать. Но всё было напрасно.

Анна-Клара и Бьёрн расстались, когда Юхану было всего три года, но сохранили неплохие отношения и всячески поддерживали друг друга в этом кромешном аду, помогая друг другу общаться с журналистами и представителями правовой системы.

Оба были убеждены, что Юхана похитил бывший сожитель Анны-Клары. Скорее всего, полагали они, он сделал это

по причине безответной любви и необузданной ревности. А потом – и вовсе слетел с катушек.

В тот роковой день, по его словам, он спал до девяти, хотя свидетели утверждали, что видели, как он выходил из дома в 7.15. Около восьми утра кто-то даже заметил его машину рядом с домом Асплундов. Друзья и коллеги рассказали о странном поведении бывшего сожителя Анны-Клары после исчезновения Юхана. Даже его лучший друг позвонил в полицию и заявил, что, по его глубокому убеждению, именно этот человек похитил мальчика.

В присутствии двух свидетелей Бьёрн Асплунд сказал ему: «Ты обыкновенный убийца! Ты убил моего сына и не сможешь избежать наказания. Каждому, кто встретится на моём пути, я буду говорить, что ты – и никто другой – виновен в смерти Юхана».

Сожитель всё время молчал – он даже не написал заявление на Бьёрна за клевету и оскорбления. Для родителей Юхана такое поведение служило очевидным и неопровержимым доказательством вины. К тому же в наличии были косвенные улики, свидетели и мотив.

Через четыре года после исчезновения Юхана Асплунды обратились к адвокату Пелле Свенссону, дабы тот помог им возбудить дело против бывшего сожителя Анны-Клары. Весьма необычный и рискованный шаг, ведь в случае, если в возбуждении дела будет отказано, Асплундам пришлось бы понести крупные материальные потери.

После бурного процесса суд посчитал собранные доказательства достаточными для признания обвиняемого виновным. Два года лишения свободы. Для Швеции это судебное разбирательство стало уникальным событием, а для Анны-Клары и Бьёрна – истинной победой.

Однако столь шумный успех в суде первой инстанции обернулся не менее громким поражением, когда защита обжаловала приговор в апелляционном суде, и спустя год бывшего сожителя Анны-Клары освободили из-под стражи. Анне-Кларе и Бьёрну полагалось оплатить все судебные издержки пострадавшей стороны – целых шестьсот тысяч крон. К счастью, правительство «сжалилось» над Асплундами и освободило их от выплаты долга.

С тех пор прошло больше семи лет. Никаких новых улик в деле Юхана не появилось. Никто уже не искал убийцу.

И вдруг эта новость! Анна-Клара замерла, всё ещё держа в одной руке телефонную трубку, а в другой – ключи. Она отчаянно пыталась понять журналиста: расследование по делу об исчезновении её сына возобновлено, а в убийстве сознался психически нездоровый человек. Но слов, которые подошли бы для газетной статьи, ей так и не удалось подобрать.

Анна-Клара связалась с полицией Сундсвалля, и там подтвердили слова репортёра. На следующей день на страницах «Экспрессен» она прочла, что проходивший лечение в психиатрической клинике пациент рассказал, что задушил Юхана и закопал его тело.

Журналист не терял времени и связался также с Бьёрном Асплундом – но тот отнёсся к новости скептически. Он был по-прежнему уверен: убийца – бывший сожитель Анны-Клары, тот самый, против которого они возбудили уголовное дело. Однако полностью исключить ошибку он был не готов:

– Если вдруг окажется, что Юхана лишил жизни кто-то другой, я проглочу эту обиду, – сказал он «Экспрессен». – Главное – получить окончательный ответ.

«Экспрессен» не отступала, и через несколько дней Анна-Клара прочла новые подробности признания пациента из Сэтерской клиники.

– Я увидел Юхана около школы, заманил его в машину, – признавался в выпуске газеты от 15 марта «человек из Сэтера», как его позже окрестили журналисты. – Отвёз его в лес, где совершил с мальчиком действия сексуального характера. Я не собирался убивать его. Но вдруг меня охватила паника, и я задушил Юхана. А потом зарыл тело, чтобы его никто не смог отыскать.

Сорокадвухлетний мужчина был, очевидно, серьёзно болен. Ещё в 1969 году он привлекался за сексуальные домогательства к маленьким детям. А в 1990 году его с молодым сообщником задержали за попытку ограбления банка в Грюксбу недалеко от Фалуна, после чего поместили в Сэтерскую лечебницу, где во время очередного терапевтического сеанса он и признался в убийстве Юхана. «Экспрессен» даже процитировала его слова:

– У меня больше нет сил с этим жить. Хочу рассказать об этом. Хочу примирения и прощения, чтобы жить дальше.

«Это у *ТЕБЯ*-то нет сил?» – подумала Анна-Клара и отложила газету.

Пятидесятилетний старший прокурор Кристер ван дер Кваст был энергичным человеком с ухоженной бородкой и тёмным «ёжиком».

Он славился громким, хорошо поставленным голосом и умением представить своё видение ситуации столь убедительно, что любые аргументы из его уст звучали, как чистая правда. Ему безоговорочно верили не только подчинённые, но и журналисты. Одним словом, ван дер Кваст был сама уверенность. Казалось, он упивается своей властью над людьми и умением направить свою «паству», всего лишь махнув рукой в нужном направлении.

В конце мая ван дер Кваст созвал пресс-конференцию. Нетерпеливым журналистам он заявил: «человек из Сэтера» указал несколько мест, где спрятаны части тела Юхана Асплунда, и в данный момент недалеко от Фалуна специалисты ищут руки мальчика. Другие останки якобы должны находиться рядом с Сундсваллем, хотя до сих пор полиции так и не удалось ничего обнаружить – и это несмотря на привлечение к поискам специально обученных собак.

– Мы ничего не нашли – но это вовсе не означает, что там ничего нет, – подытожил прокурор.

Других доказательств, связывающих подозреваемого с исчезнувшим ребёнком, также не оказалось, и ван дер Кваст был вынужден признать, что причин для возбуждения уголовного дела фактически нет. Но подозрения всё же оставались, пояснил он, ведь, несмотря на отсутствие явных доказательств в данном деле, пациент из Сэтерской клиники явно имел отношение ещё как минимум к одному убийству.

Ван дер Кваст рассказал удивлённой публике, что в 1964 году этот человек убил четырнадцатилетнего Томаса Блумгрена, жившего в Векшё.

– Информация, которую предоставил нам «человек из Сэтера», настолько подробна и с такой точностью соответствует данным расследования, что я бы незамедлительно возбудил против него уголовное дело, – заключил ван дер Кваст.

Заявления носили вдвойне гипотетический характер: во-первых, срок давности, составлявший в те времена двадцать пять лет, давно истёк. Во-вторых, на момент совершения убийства «человеку из Сэтера» также было всего четырнадцать, а потому он не подлежал уголовной ответственности. Тем не менее убийство Томаса Блумгрена сыграло не последнюю роль в дальнейшем расследовании: «человек из Сэтера» совершил убийство будучи подростком и, безусловно, это компрометировало его.

Справедливости ради надо отметить, что Кристер ван дер Кваст не уточнил, как именно «человек из Сэтера» был свя-

зан со смертью Томаса Блумгрена, а поскольку о возбуждении дела речь не шла, расследование проходило негласно. Кстати, адвокат Гуннар Лундгрэн полностью разделял мнение обвинителя, не подвергая ни малейшему сомнению слова своего клиента.

В СМИ о «человеке из Сэтера» всплывали всё более и более неприглядные подробности. В его прошлом нашлось немало тёмных пятен – да и сама его личность вызывала множество вопросов. Криминальный журналист газеты «Дала-Демократен» Губб-Ян Стигсон написал о давней попытке подозреваемого совершить убийство девятилетнего мальчика в Фалуне – причём не просто убийство, а на почве сексуального садизма: «Когда ребёнок закричал, тот попытался задушить его. Сорокатрёхлетний мужчина лично рассказал на допросе, как не разжимал пальцы на шее мальчика, пока изо рта жертвы не пошла кровь».

В «Дала-Демократен» пояснялось: врачи ещё в 1970 году предупреждали, что «человек из Сэтера» может оказаться детоубийцей. В качестве доказательства приводились слова судебно-психиатрического эксперта, утверждавшего, что пациент страдал «ярко выраженным конституционально обусловленным сексуальным расстройством по типу садистской педофилии». Он считался «не просто опасным: в ряде случаев он представлял чрезвычайную опасность для жизни и здоровья окружающих».

12 ноября 1993 года Губб-Ян Стигсон рассказал, что полиция связывает «человека из Сэтера» уже с пятью убийствами. Помимо Юхана Асплунда, бесследно исчезнувшего в 1980 году, и Томаса Блумгрена, погибшего в 1964-м, речь шла и о возможном убийстве пропавшего в 1967 году пятнадцатилетнего Алвара Ларссона из Сиркёна, сорокавосемилетнего Ингемара Нюланда, ставшего жертвой убийцы в Уппсале в 1977 году, а также о расправе над восемнадцатилетним Улле Хёгбумом из Сундсваля, о котором ничего не было слышно с 1983-го.

По словам Стигсона, «человек из Сэтера» сознался во всех пяти убийствах. Журналисты всё чаще называли его «первым настоящим серийным убийцей Швеции».

«Он сообщает правду об убийствах мальчиков» – так звучал заголовок статьи, занимавшей целую страницу в «Экспрессен» от 17 июня 1994 года. К тому моменту «человек из Сэтера» признался в причастности к смерти ещё одного человека – на сей раз пятнадцатилетнего Чарльза Зельмановица, бесследно пропавшего после школьной дискотеки в Питео в 1976 году. Наконец-то у следователей дело сдвинулось с мёртвой точки.

«Человек из Сэтера» рассказал, как вместе с приятелем постарше отправился из Фалуна в Питео, чтобы найти какого-нибудь парнишку, с которым можно было бы вступить в сексуальный контакт. Увидев Чарльза, они заманили его в машину, и где-то в лесу «человек из Сэтера» задушил маль-

чика и расчленил его.

По словам следователей, подозреваемый настолько подробно описал место, где произошло убийство, что полиции удалось обнаружить спрятанные фланжеты тела – хоть и не все, потому что недостающие части убийца, по его собственным словам, зачем-то прихватил домой.

Ван дер Квасту впервые удалось заполучить доказательства, так и не добытые полицией: признание подтверждалось обнаруженными останками, а подробное повествование свидетельствовало лишь об одном: «человек из Сэтера» обладал такими сведениями об убийстве, которые могли быть известны лишь тому, кто был в нём виновен.

«Этот сорокатрёхлетний мужчина совершает убийства на почве сексуального садизма», – констатировала «Экспрессен» в статье от 17 июня.

А ван дер Кваст подтвердил: «Мы знаем, что он не лжёт. По крайней мере, в отношении двух убийств».

На первых полосах газет

Когда в июле 1994 года психотерапевт «человека из Сэтера» Биргитта Столе ушла в отпуск, многие забеспокоились: как он будет обходиться без частых терапевтических бесед, ставших для него невероятно важными? На понедельник 4 июля медперсонал назначил общий обед в ресторане местного гольф-клуба, куда также должен был прибыть и «человек из Сэтера» в сопровождении молодой студентки психфака, временно замещавшей Столе.

Без четверти двенадцать медсестра и её подопечный покинули 36-е отделение и направились в сторону гольф-клуба. Внезапно пациент попросился в туалет. Извинившись, он скрылся за заброшенным зданием – одним из старых павильонов Сэтерской клиники. Убедившись, что студентка его не видит, «человек из Сэтера» бросился бежать по лесной тропинке, напрямик выходявшей на улицу Смедьебаксвеген. Там его уже поджидал старенький «Вольво-745». За рулём сидела молодая женщина, рядом с ней – парень лет двадцати, некогда тоже пациент Сэтерской больницы – правда, выписанный с испытательным сроком. «Человек из Сэтера» запрыгнул на заднее сиденье, и машина рванула прочь.

Взволнованные пассажиры рассмеялись: побег прошёл точно по плану! Парень, сидевший на переднем пассажирском сиденье, протянул «человеку из Сэтера» небольшой па-

кетик с белым порошком. Послунявив палец, тот ловко собрал всё содержимое – очевидно, подобное он проделывал уже много раз. Поднеся палец ко рту, он слизал порошок, кончиком языка придавил горькие крупинки к нёбу, откинулся назад и закрыл глаза.

– Боже мой, как чудесно! – пробормотал он, рассасывая амфетамин.

Это был его любимый наркотик. К тому же, у «человека из Сэтера» была странная особенность: ему невероятно нравился этот вкус.

Молодой парень, протягивая бритву, пену для бритья, синюю кепку и футболку, толкнул приятеля и сказал:

– Давай! Нам нельзя терять ни минуты.

«Вольво» уже сворачивал в сторону Хедемуры на 70-е шоссе, а юная студентка-психолог по-прежнему стояла у заброшенного здания и размышляла: не пора ли начинать беспокоиться? Она крикнула, но ответа не последовало. Стало ясно: её пациента нет ни за этим зданием, ни где бы то ни было ещё. Она не могла в это поверить: как мог, казалось, столь искренний и дружелюбный подопечный так поступить с ней, обмануть её? Безуспешно поискав ещё немного, она вернулась в клинику и доложила: «человек из Сэтера» сбежал.

К тому моменту пациент уже успел побриться и переодеться. Он наслаждался свободой и состоянием наркотиче-

ского опьянения, а машина продолжала мчаться по 270-му шоссе на север.

Спустя сорок четыре минуты с момента побега полиция города Бурленге объявила о поиске сбежавшего, и никто даже представить себе не мог, что он на стареньком «Вольво» уже приближался к Окельбу.

Вечерние газеты мгновенно подхватили новость о беглеце и выпустили увеличенные тиражи. На первой странице «Экспрессен» красовалась новость:

**НОЧНАЯ ОХОТА ПОЛИЦИИ
за сбежавшим
ЧЕЛОВЕКОМ ИЗ СЭТЕРА**
«Он очень опасен»

До сих пор из этических соображений газеты не раскрывали личность «человека из Сэтера», но когда сбегает самый опасный преступник Швеции, общественность желает знать его имя, лицо и историю:

«Сбежавший сорокачетырёхлетний мужчина, известный как “человек из Сэтера”, сменил имя и теперь зовётся Томасом Квиком. Он сознался убийствах пяти мальчиков; полиция и прокурор считают его виновным по меньшей мере в двух из них. Сам он рассказал “Экспрессен”, что мечтает поселиться в лесу со своими собаками, – и сегодня полиция искала его в лесополосе в районе Окельбу».

Когда женщина, сидевшая за рулём «Вольво», увидела, в

каких преступлениях обвиняют Томаса Квика, ей стало не по себе. Она остановилась у заброшенного хутора и выпустила пассажиров. Отыскав два стареньких велосипеда и наспех починив их, беглецы направились к ближайшему населённому пункту. По пути их обгоняли полицейские машины, над ними кружили вертолёт – но ни единая душа не заподозрила в двух велосипедистах сбежавших преступников.

До полуночи их искали вооружённые отряды полицейских в бронежилетах, но беглецов будто и след простыл.

Ночь приятели провели в палатке (её предусмотрительно захватил с собой знакомый Квика ¹⁴), а утром решили расстаться.

Амфетамин закончился, оба чувствовали невероятную усталость – да и побег больше не казался такой уж весёлой затеей.

Пока полиция прочёсывала лес, мужчина в бейсболке зашёл на заправку в крошечной деревушке Альфта.

– Откуда можно позвонить? – спросил он.

Дежурный не узнал в незнакомце человека, портрет которого украшал вечерние газеты, и указал ему на телефон. Посетитель сделал всего один короткий звонок. В полицию Болльнеса.

– Я хочу сдать, – произнёс он.

– А кто вы такой? – поинтересовались на том конце провода.

¹⁴ Из автобиографии Томаса Квика. 46 *Ханнес Ростам*

– Квик, – ответил Томас Квик.

Побег вызвал жаркие споры о безалаберности и халатности персонала, работающего в психиатрических лечебницах. Больше всего возмущался глава шведской полиции Бьёрн Эрикссон.

«Как же всё это надоело! Это возмутительно! – вздыхал он. – Людей, которых считают настолько опасными, немного, так что вполне можно было бы приставить к ним побольше охраны. Полиция всегда считала, что безопасность окружающих гораздо важнее процесса реабилитации и лечения».

Критике подверглась и Сэтерская клиника, но 10 июля 1994 года газета «Дагенс Нюхетер» опубликовала текст в защиту больницы. Слово предоставили самому Томасу Квику, который искренне восхищался не только персоналом, но и лечением. А вот о журналистах он отзывался совсем не лестно:

«Я – Томас Квик. После моего побега в прошлом месяце (4 июля) и всей поднявшейся в газетах шумихи ни моё лицо, ни моё имя уже ни для кого не являются тайной.

Я не хочу и не могу оправдывать свои действия, но чувствую необходимость рассказать о той успешной работе, что проводилась и до сих пор проводится в клинике. Значимость этой работы совершенно теряется во всём безумии, вызванном охотой новостных журналистов за сенсациями. Эти газетчики не только не дают силам добра и разума противосто-

ять хору горлопанов, но прямо вынуждают их оставить всякие попытки перекричать этот хор».

Многих этот текст просто поразил: Квик продемонстрировал, что умеет неплохо излагать мысли и является весьма неглупым человеком. Впервые общественность смогла узнать, о чём думает «серийный убийца», и попытаться понять, как и почему Томас Квик признался в совершении стольких преступлений.

«Когда я попал в психиатрическую клинику в Сэтере, в моей памяти полностью отсутствовали воспоминания о первых двенадцати годах моей жизни.

Так же, как эти годы были вытеснены из моей памяти, из неё оказались стёрты и мысли об убийствах, в которых я теперь признался и которые в данный момент расследует полиция города Сундсвалля».

Из уст Томаса Квика лились слова восхищения в адрес сотрудников больницы, которые помогли ему вспомнить страшные события и всячески поддерживали его в те моменты, когда он рассказывал о болезненных переживаниях:

«Чувство отчаяния, вины и печали, которые я испытываю при мысли о том, что совершил, не имеют никаких пределов. Ноша эта столь тяжела, что невозможно представить, как я могу её нести. Я в ответе за то, что сделал, и за то, что буду делать дальше. Преступления, виновником которых я являюсь, никоим образом нельзя оправдать, но, по крайней мере,

теперь я могу о них рассказать. Я готов к этому и буду говорить по мере своих возможностей».

Квик пояснил, что сбежал из клиники не для того чтобы совершить новое злодеяние, а потому что хотел покончить с собой:

«Расставшись с другом, я тринадцать часов просидел с обрезом, дуло которого направлял себе то в лоб, то в рот, то в грудь. Я не смог. Сегодня я могу ответить за вчерашние события, и, вероятно, именно способность взять на себя ответственность не позволила мне совершить самоубийство, а заставила позвонить в полицию и сдать властям. Мне очень хочется в это верить».

Чарльз Зельмановиц

18 октября 1994 года в районный суд города Питео поступил иск от прокурора Кристера ван дер Кваста, в котором он кратко излагал суть обвинения: «В ночь на 13 ноября 1976 года в лесополосе Квик лишил жизни Чарльза Зельмановица 1961 года рождения посредством удушения».

Судебное заседание было назначено на 1 ноября, и по мере приближения этой даты в прессе появлялось всё больше информации о прошлом вероятного серийного убийцы. На первых порах странными признаниями Квика интересовались лишь криминальные журналисты вечерних изданий, но теперь за репортажи всерьёз взялись и утренние газеты.

1 ноября в «Свенска Дагбладет» вышла статья, которую восприняли не иначе как уверенную констатацию фактов. Журналист издания Янне Матссон писал:

«Томас Квик – пятый ребёнок в семье, где всего было семеро детей. Его отец работал санитаром в алкогольной лечебнице, а мать – вахтёром и уборщицей в ныне закрывшейся школе. В настоящий момент обоих родителей нет в живых. [...]

За внешним фасадом пряталось то, что со временем стало семейной тайной. Как говорит сам Томас Квик, ещё до того, как ему исполнилось четыре года, он подвергался на-

сильственным действиям со стороны отца, который принуждал ребёнка к оральному и анальному сексу.

Именно во время одного из таких актов произошло событие, которое сказалось на дальнейшей жизни и сексуальных пристрастиях Квика: в комнату вошла мать. Увиденное настолько сильно шокировало женщину, что у неё случился выкидыш, и она с криком принялась обвинять Томаса в убийстве ещё не родившегося младшего брата.

Отец присоединился к упрёкам и заявил, что его соблазнил собственный сын.

Перенёсшая выкидыш мать с тех пор не испытывала к своему ребёнку ничего, кроме ненависти. Виной всем несчастьям, выпавшим на долю их семьи, стал именно Томас, для которого такая ноша оказалась непосильной.

Мать как-то даже пыталась убить его – по крайней мере, так говорит сам Квик.

А ещё, по его словам, мать начала поступать в точности как отец: они насиловали собственного сына вместе».

Янне Матсон писал, что Квик совершил два убийства ещё будучи подростком:

«В возрасте тринадцати лет Квик отказался мириться с приставаниями отца и во время очередной попытки изнасилования сумел вырваться из его рук. Как заявил Квик, в тот момент он хотел убить отца, однако у него не хватило духу.

При этом он перенял извращённые наклонности, приправив их садистскими и болезненными чертами. Спустя пол-

года в городе Векшё он убил своего ровесника. [...] Тремя годами позже, 16 апреля 1967 года, жертвой Томаса Квика стал ещё один тринадцатилетний мальчик».

Хотя Квик пока не был осуждён – более того, не была доказана даже его причастность к убийствам, все СМИ заочно признали его виновным. Надо сказать, осуждению подверглись и его родители, которые, по мнению газетчиков, постоянно совершали над собственным сыном насилие и пытались лишить его жизни.

Такое отношение СМИ на протяжении всех этих лет объясняется тремя факторами: во-первых, Томас Квик признавался в этом сам. Во-вторых, прокурор Кристер ван дер Кваст весьма категорично заявлял о том, что у следствия существовали и другие доказательства вины Квика. В-третьих, слова подкреплялись доказанными фактами сексуального домогательства со стороны Квика: в 1969 году он действительно пытался изнасиловать четырёх мальчиков. Ко всему прочему, в деле Квика имелись результаты судебно-психиатрической экспертизы, признававшей мужчину опасным для общества.

Вот так и была создана полная и в целом логично выстроенная история жизни, сделавшая из человека монстра-убийцу, которого теперь предстояло признать виновным в первом из целой серии совершённых преступлений.

В статье «Свенска Дагбладет» цитировались и слова пси-

хиатра, проводившего в 1970 году экспертизу и констатировавшего, что пациент страдал «ярко выраженным, конституционально обусловленным сексуальным расстройством по типу садистской педофилии».

Районный суд Фалуна признал Квика виновным в сексуальных домогательствах к мальчикам, после чего приговорил его к принудительному лечению. Через четыре года двадцатитрёхлетний Квик был признан здоровым и выписан из больницы.

«Имея на руках такие факты, можно констатировать, что выпускать его было, конечно, огромной ошибкой», – подытоживал свою статью Янне Матссон, заодно предвосхищая развитие событий в судебном слушании по делу Чарльза Зельмановица:

«Они выпустили бомбу, заряженную болью и подавленным отчаянием. Позже это отчаяние побудило Квика и его приятеля-гомосексуалиста отправиться в Питео, чтобы изнасиловать, убить и расчленить пятнадцатилетнего мальчика».

Газеты пестрели жуткими фактами из биографии Томаса Квика. Несмотря на это встреча с ним в суде Питео обернулась для, казалось бы, подготовленной публики настоящим шоком. Журналисты пытались превзойти друг друга в выражении ненависти и отвращения к монстру, представшему перед судом.

«Как можно быть таким жестоким?» – вопрошала «Экспрессен» после первого дня слушаний. Их собственный эксперт по делу Квика Пелле Тагессон писал:

«Когда знаешь ужасную правду о том, что Томас Квик делал со своими жертвами – и когда вдруг слышишь его глубокое, звериное рычание – остаётся лишь один вопрос: неужели это и впрямь человек?

Пожалуй, не было в шведской судебной практике историй страшнее, чем те, что звучали вчера в суде Питео.

Человек из Сэтера, Томас Квик, предстал перед судом по подозрению в совершении убийства Чарльза Зельмановица.

Он плакал – но не вызывал ни у кого жалости».

В «Афтонбладет» журналистка Черстин Вейгль писала, что действия Томаса Квика находятся «за гранью понимания». К счастью, тут же нашёлся «эксперт по вопросам памяти» Свен-Оке Кристиансон, способный объяснить то, чего не могли понять простые смертные.

«Не думаю, что обычные люди могут понять совершённые им поступки. Это непостижимо, и потому мы пытаемся подключить механизмы защиты», – пояснил он, прибавив, что вообще-то в действиях обвиняемого была некая «логика».

«Квик подвергался насилию со стороны отца с четырёхлетнего возраста. У него “украли” детство. Он не в силах выносить собственный страх и пробует перенести этот страх на кого-то другого, кто способен его принять. Квик находится

во власти иллюзии, что, разрушив чужую жизнь, он восстановит свою собственную. Но облегчение может быть лишь кратковременным. А потом он вновь должен идти убивать».

После первого же дня судебных слушаний все сомнения относительно виновности Томаса Квика, казалось, исчезли:

«Этот мужчина – серийный убийца, педофил, некрофил, каннибал и садист. Он очень, очень болен», – писала «Афтонбладет».

Никого не оставило равнодушным видео, снятое в лесу в Питео, где Квик, душераздирающе плача и причитая, объяснял, как убил и расчленил Чарльза Зельмановица.

Черстин Вейгль продолжала:

«Лично я слышала все эти звуки, и у меня не осталось никаких сомнений. Его речь прерывиста, он говорит с надрывом, судорожно, будто бы его вот-вот стошнит. Да! Всё это должно быть правдой!

Квик сумел показать место, где были обнаружены части тела мальчика, – и это спустя семнадцать лет после совершения убийства. Он присел на камень, на котором когда-то осквернил и расчленил тело. Он в точности описал, что и где спрятал».

В судебном разбирательстве в Питео в ноябре 1994 года прокурор Кристер ван дер Кваст одержал лёгкую победу. Томаса Квика единогласно признали виновным в убийстве Чарльза Зельмановица.

Преисполненные уверенности в своих силах следователи принялись разматывать клубок истории Квика. До первого судебного заседания они в основном обращали внимание на нераскрытые убийства или таинственные исчезновения мальчиков, пытаясь установить местонахождение Квика в момент происшествий. Однако не прошло и недели после вынесения приговора, как Томас Квик связался с младшим сотрудником полиции Сундсвалля Сеппо Пенттиненом и сказал: «Наверное, будет неплохо, если меня допросят по делу о двойном убийстве в Норрботтене около десяти лет назад. Я знаю, что бывал там...»

Аппояуре

У голландской пары – Маринуса и Янни Стегехёйс – не было детей. Им было 34 и 39 лет соответственно. Целых три года они копили деньги, чтобы осуществить свою мечту и отправиться в отпуск в Скандинавские горы. Летом 1984 года их мечта наконец сбылась.

На рассвете 28 июня они покинули свой дом в городе Алмело и поехали в шведский Эдесхёг, где проживали родственники Маринуса. Финансы не позволяли им останавливаться в отелях. Проведя три дня в Эдесхёге, пара отправилась в Финляндию – там у них были друзья, с которыми супруги познакомились во время одного из мероприятий церковного хора. Они оба пели в нём.

Погостив в Мустасаари, Янни и Маринус запрыгнули в свою «Тойоту Короллу» и двинулись навстречу настоящим приключениям. Они собирались совершить путешествие по Северному Калотту ¹⁵ с заездом в Нордкап, а затем постепенно продвигаться на юг, к шведским горам, где планировали отдохнуть «дикарями», наслаждаясь каждым новым днём, рыбалкой, наблюдениями за дикими животными и фотографией природы.

Путешествие, правда, оказалось не столь идиллическим,

¹⁵ Северный Калотт – вся Скандинавия выше полярного круга. 53 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

как они предполагали: постоянно шли дожди, дул ветер, температура держалась около нуля. Да и от комаров спасу не было. Однако не это было самым страшным. Рядом с деревушкой Виттанги что-то случилось с двигателем, и супругам дважды пришлось вызывать эвакуатор. Ночь они провели в отеле, а за ремонт машины выложили немалую сумму.

Когда пара покинула Кируну, их кошелек был уже пуст.

Вечером 12 июля Маринус и Янни поставили палатку на мысе у северной оконечности озера Аппояуре. Янни даже сделала пометку в своём дневнике:

«Ездили в национальный парк Шёфаллет. Природа просто прекрасна. Пофотографировали. Поснимали северных оленей и даже видели горностая у дороги.

В 16.30 поставили палатку на опушке леса. Комары продолжают нас мучить.

Из Кируны мы целых 150 километров ехали под дождём. Потом погода немного разгулялась.

Сейчас снова идёт дождь».

У входа в палатку супруги поставили примус, который немного защищал от непогоды, пока они готовили простенькую еду – сосиски с фасолью.

Незадолго до полуночи в пятницу 13 июля в полицию Йелливаре поступил звонок от Матти Ярвинена из Гётеборга, проводившего отпуск в горах. По его словам, он только что видел мёртвого человека в палатке около озера.

Инспектор по уголовным делам Харри Брэнстрём и кон-

стебель Энар Якобссон тут же выехали по вызову, и, проехав 80 километров, оказались в месте, которое подробно описал шведский турист. Стояла белая ночь, и служителям правопорядка потребовалось совсем немного времени, чтобы обнаружить рухнувшую двухместную палатку. Они аккуратно подняли ткань и расстегнули молнию. Представшее перед глазами зрелище они подробно описали в полицейском отчёте.

«У левой стенки находится труп мужчины в возрасте 30–40 лет. Тело лежит на спине. [...] Окровавлены лицо и затылок, а также правое надплечье. С правой стороны изнанки рукава на уровне груди свитер пропитан кровью. На других видимых частях свитера также имеются пятна крови. На правом плече, правом предплечье, левой стороне шеи и правой стороне груди имеются следы порезов или уколов. В области рта виден след от удара.

Справа от мужчины – тело мёртвой женщины. Её голова, повёрнутая правой щекой к земле, находится на уровне бедра мужчины. Женщина лежит на правом боку; её тело изогнуто под углом почти 90 градусов. Левая рука вытянута и находится под углом 45 градусов по отношению к верхней части туловища. Верхние части тела обёрнуты узорчатым пододеяльником того же типа, в котором лежит мужчина. Пододеяльник сильно пропитан кровью».

Рядом с палаткой полиция обнаружила вероятное орудие преступления – филейный нож шведской марки «Фалькон». Узкое лезвие было сломано; позже его кусок нашли между рукой и телом женщины. Нож сломался, наткнувшись на кость.

В двух шагах, у самого озера, стояла серо-зелёная «Тойота Королла» с голландскими номерами. Машина была заперта; внутри лежали аккуратно упакованные вещи: убийцы в них явно не копались.

Идентифицировать убитых удалось довольно быстро. Тщательное обследование места преступления дало однозначный ответ: двойное убийство было чистым актом безумия.

На следующий день тела перевезли в Умео, где судебный патологоанатом Андерс Эрикссон провёл вскрытие. В заключении упоминалось огромное количество ножевых ранений и резаных ран.

Следователи пришли к выводу, что убийца остервенело наносил удары, атакуя спящих через полотно палатки. Мужчина и женщина проснулись: об этом свидетельствовали раны на руках – жертвы отчаянно поднимали их, пытаясь защититься, но не сумели даже выбраться из спальных мешков. Видимо, всё произошло очень быстро.

Новость о двойном убийстве потрясла Швецию. Самым ужасным в этой истории казалась трусость нападавшего: он подкрался к неизвестным ему беззащитным и безоружным

спящим людям и нанёс безжалостные удары через палатку, не давая жертвам ни малейшего шанса осознать происходящее. И, конечно, никакому разумному объяснению не поддавались те остервенение и жестокость, о которых свидетельствовало количество ран. Кроме того, преступник явно не имел мотива и не преследовал никакой выгоды, совершая столь зверское деяние. Двойное убийство супругов Стегхёйс во всех отношениях казалось настолько странным и нелогичным, что объяснение находилось лишь одно: это преступление совершил человек, лишённый рассудка.

Зверская расправа на лоне природы вызвала резонанс и за пределами Швеции. Расследуя дело, полиция допросила тысячи людей, но это не дало никаких результатов.

Как правило, когда наконец удаётся найти разгадку убийств, которые долго не получалось раскрыть, главным действующим лицом оказывается кто-то из фигурантов следственных материалов. Но в этом деле не было ни слова о мужчине, десятью годами позже заявившем о своей причастности к двойному убийству. Следователей смущало и другое: Томас Квик, до сих пор считавшийся исключительно убийцей мальчиков, почему-то вдруг заявил о жестокой расправе над супругами, которым было уже за тридцать.

На первом допросе, состоявшемся 23 ноября 1994 года, Квик рассказал, как сел на поезд, следовавший из Фалуна в Йокмокк – место, прекрасно знакомое ему ещё со времён

учёбы в Саамской народной школе, где он провёл два семестра в 1971–1972 годах. У Музея саамской культуры он украл велосипед и поехал, что называется, куда глаза глядят. По чистой случайности Томас оказался на дороге, которая вела от села Порьюс к национальному парку «Стура-Шёфаллет».

У озера Аппояуре он заметил супругов Стегехёйс – именно на них он и набросился чуть позже с охотничьим ножом, который на всякий случай прихватил с собой.

Рассказ Квика был неубедителен. Он даже заявил, что не уверен в совершении убийства. Сомневаться его заставлял сам характер преступления – да и тот факт, что одной из жертв оказалась женщина.

На втором допросе Квик изменил показания. Теперь он упоминал некоего помощника, с которым назначил встречу в Йокмокке. Помощника звали Йонни Фаребринк, и он был довольно известным преступником, который, в отличие от Квика, действительно упоминался в материалах дела.

Томас Квик заявил, что они сели в пикап «Фольксваген» Фаребринка и направились напрямик к Аппояуре, где вдвоём убили супругов Стегехёйс. На последующих допросах в историях Квика появлялось всё больше и больше подробностей. Так, он успел встретиться и со старым школьным приятелем, а затем они с Йонни заскочили в гости ещё к одному знакомому в Порьюсе.

Позднее сведения о вероятном помощнике Квика просочились в прессу. Выяснилось, что в тот момент Йонни

Фаребринк отбывал десятилетний срок за другое убийство, и, когда «Экспрессен» связалась с Квиком, желая получить комментарий, тот лишь прокричал:

– Что за чушь! Я не знаю этого парня. Никогда не встречался с ним.

Но четыре месяца расследования не прошли даром, и прокурор ван дер Кваст добился желаемого.

«Признание Томаса Квика соответствует имеющимся у следователей фактам, – заявил он в интервью “Экспрессен” 23 апреля 1995 года. – Могу лишь сказать, что чем больше мы копаем, тем больше получаем доказательств, что Томас Квик ничего не выдумывает. Он был рядом с Аппояуре в момент совершения убийства, и он прекрасно знает эти места, поскольку целый год учился в народной школе в Йокмокке».

К этому моменту Томас Квик успел сознаться в семи убийствах, что превращало его в самого страшного серийного убийцу Швеции – конечно, при условии, что он говорил правду. К делу подключились двое опытных полицейских, прежде работавших в группе по расследованию убийства премьер-министра страны Улофа Пальме, а также глава этого расследования, Ханс Эльвебру. Таким образом история Томаса Квика перешла в разряд дел высшего приоритета.

9 июля 1995 года из стокгольмского аэропорта Арланда вылетел частный реактивный самолёт. Пункт назначения –

город Йелливаре. На борту в роскошных креслах сидели Томас Квик, его терапевт Биргитта Столе, прокурор Кристер ван дер Кваст, специалист по работе с памятью Свен-Оке Кристиансон, а также несколько полицейских и санитаров. Пассажиры намеревались воссоздать события той ночи, когда были убиты супруги Стегехёйс.

Среди «путешественников» находился и адвокат Томаса Квика Гуннар Лундгрэн. Дело Квика было самым обсуждаемым в Швеции и потому в какой-то мере наиболее престижным. Местечковый адвокат – такой, как Лундгрэн, – теперь казался уже не самым очевидным кандидатом на должность защитника. По совету Сеппо Пенттинена и Кристиансона адвоката Квика было решено заменить: отныне его интересы мог представлять Клаэс Боргстрём – куда более известная личность, нежели Лундгрэн. Он согласился, однако как раз накануне отъезда команды в Йелливаре отправился в пяти-недельный отпуск, и вместо Боргстрёма на север поехал Гуннар Лундгрэн.

На следующий день Томас Квик подробно описал, как перемещался от Порьюса по крошечной лесной дорожке к озеру Аппояуре. На месте всё уже было подготовлено и выглядело точь-в-точь как в ночь убийства 13 июля 1984 года. Ханс Эльвебру и инспектор-криминалист Анна Викстрём как раз добавляли к воссозданной сцене последние штрихи.

Примус, спальные мешки и другой реквизит лежали на тех же местах, как тогда, когда было совершено преступле-

ние. Из Голландии специально заказали палатку, идентичную той, которой пользовалась чета Стегехёйс. Слева, на место Маринуса Стегехёйса, лёг Эльвебру, а справа от него – Викстрём, изображавшая Янни.

Вооружённый палкой, заменявшей нож, Томас Квик не спеша подошёл к палатке, а затем остервенело бросился на неё и, неистово ударив по ней несколько раз, полез внутрь. Он хрюкал и ревел; перепуганная Анна Викстрём отчаянно закричала, зовя на помощь. Квика схватили, и своеобразный следственный эксперимент пришлось прервать.

Ни одно действие вероятного преступника не совпало с тем, что описывали следователи.

Через некоторое время реконструкцию преступления решили продолжить. Теперь Томас Квик был максимально внимателен и выполнял все движения в точном соответствии с фактами, изложенными в деле. В беседе с Пенттиненом Квик спокойно описал удар за ударом, объяснил, что делал вместе с помощником Йонни Фаребринком, и показал, как прорезал большую дыру с короткой стороны палатки, чтобы залезть внутрь.

Семь часов спустя реконструкция картины преступления завершилась. Следователи и прокурор были явно довольны результатом, о чём 12 июля написала «Экспрессен»:

«Всё прошло как нельзя лучше, – заявил ван дер Кваст, по мнению которого, во время следственного эксперимента Томас Квик наглядно продемонстрировал, что именно он и

никто другой умертвил голландскую пару. – Он не только хотел, но и сумел показать, как совершалось преступление».

Всё больше настоящих и самопровозглашённых экспертов пытались объяснить, какие обстоятельства и события превратили мальчика Стуре Бергваля в серийного убийцу с садистскими наклонностями Томаса Квика. Пользующаяся уважением автор статей Черстин Винтерхед, работавшая в газете «Дагенс Нюхетер», описала родной дом Квика как место «абсолютно тихое и закрытое от окружающих. Дом, где не бывало гостей и рядом с которым не позволялось играть соседским детям».

Снова затрагивалось детство Квика, полное материнской жестокости и насилия со стороны отца – не говоря уже о двух попытках убийства. Превращение в убийцу, видимо, произошло во время последнего случая домогательства в лесу, когда Томасу Квику было всего тринадцать. В нём вспыхнуло желание убить отца, но, увидев жалкого родителя со спущенными штанами, он передумал.

– Я просто убежал. А потом я будто сделал всего один большой шаг к убийству в Векшё шестью месяцами позже, когда мне уже успело исполниться четырнадцать, – объяснял Квик.

– Вы ведь, по сути, тогда убили себя? – спросила Черстин Винтерхед.

– Да, себя, – подтвердил Квик.

В этом убийстве – как, впрочем, и во всех других – Томас

Квик виделся не только преступником, но и жертвой. Убийства были своего рода воспроизведением того насилия, что он пережил в детстве. Во всяком случае, таковой была теоретическая база, из которой исходили психотерапевты в период лечения Квика в Сэтерской больнице. Взгляд следователей на ситуацию совпадал с мнением врачей.

Братья и сёстры Томаса Квика – как и их дети – слушали и читали душераздирающие рассказы о непостижимой жестокости собственных родителей с недоумением и ощущением бессилия и позора. Отныне в семействе старались избегать разговоров о Стуре; если же обстоятельства требовали упомянуть его, то называли его исключительно «ТК». Для них Стуре Бергваль перестал существовать.

Долгое время они просто молчали, но в 1995 году старший брат Квика Стен-Уве Бергваль решил представить обществу позицию родственников. В своей книге «Мой брат Томас Квик» он описал собственное видение обстановки в доме, где они выросли. Он говорил от имени всех Бергвалей, выражая сомнения в правдивости детских воспоминаний брата.

«Не сомневаюсь, что эти рассказы могут казаться ему истиной. Давно известно, что во время сеансов терапии людей призывают создавать ложные воспоминания», – сказал он «Экспрессен», подчёркивая, что его родители никак не могли делать того, что столь красочно описывал Томас Квик.

По словам Стена-Уве, книгу он написал не для того что-

бы заработать денег, а для того чтобы вернуть то детство, которого его лишил своими высказываниями собственный брат. Кроме того, он желал восстановить доброе имя покойных родителей, ведь сами они уже ничего не могли сказать в своё оправдание.

«Я не утверждаю, что мы выросли в идеальной семье, но никто из нас не помнит того, что рассказывает брат. Мы не были какими-то странными и загадочными, не чувствовали себя изгоями. Мы много общались с людьми, часто путешествовали, а по праздникам, дням рождения и на Рождество встречались с родственниками».

Однако в отношении убийств, в которых признался Квик, Стен-Уве не испытывал никаких сомнений:

«Когда я услышал, что кто-то сознался в убийстве Юхана Асплунда, я тут же почувствовал, что речь идёт о моём брате. И я был уверен, что вскоре заговорят и о новых случаях».

Итак, в январе 1996 года районный суд Йелливаре начал рассматривать дело об убийствах на озере Аппояуре. Если в Питео во время выступления в суде Томас Квик попросил всех зрителей покинуть помещение, то в Йелливаре он уже выступал с явной уверенностью в своих силах. Перед публикой он весьма убедительно рассказывал о том, как убивал прибывших из Голландии супругов. Он заявил, что сперва хотел найти какого-нибудь мальчика-подростка – и именно поэтому отправился на поезде в Йокмокк, где уви-

дел небольшую группу немецких ребят и хладнокровно выбрал среди них жертву.

На украденном дамском велосипеде он доехал до магазина, где встретил Йонни Фаребринка – «жуткого и глубоко подавленного безумца, прекрасно владеющего ножом». Выпив с приятелями, они отправились на озеро Аппояуре, где супруги Стегехёйс разбили лагерь. По словам Квика, всё случилось потому, что Йонни Фаребринк испытывал «глубокое отвращение» к голландцам, ведь сам Квик хотел всего-навсего расправиться с немецким мальчиком, которого успел приметить в Йокмокке. Когда Квик увидел голландцев, у него вдруг возникло впечатление, что мальчик мог быть их сыном.

– Когда женщина начала это отрицать, я пришёл в ярость, – пояснил Квик в суде.

Убийство пары, ранее представлявшееся бессмысленным, постепенно стало казаться в какой-то мере логичным, хоть и безумным.

– Я пытался поднять её, чтобы её лицо оказалось рядом с моим. Хотел увидеть страх смерти в её глазах, – говорил Квик. – Но в то же время у меня не хватало на это мужества, и я просто не переставал наносить удары.

Адвокат Клаэс Боргстрём спросил, что именно вызвало у Квика ненависть к этой женщине.

– Отрицая своё родство с мальчиком, она стала в моих глазах олицетворением *М*, на которую была чем-то похожа

даже внешне, – ответил Квик.

М – так Квик называл мать. Убийство незнакомой женщины таким образом оказалось в его сознании расправой над собственной матерью.

В Йелливаре приехал и один из тех родственников Стегхёйсов, у которых пара останавливалась в первые дни путешествия по Швеции. Он хотел лично услышать от Квика, почему Янни и Маринус должны были умереть. Выслушав объяснения обвиняемого, он сказал «Экспрессен»:

– Квик – настоящая свинья, он не имеет права жить.

Результат судебного слушания по делу об убийстве на озере едва ли можно было предугадать. Многие в рассказе Томаса Квика вызывало вопросы, особенно в той части, которая касалась помощника. Следователям не удалось найти никаких подтверждений участия Йонни Фаребринка в этой истории: никто не видел их вместе, а сам факт существования вечеринки, куда они заглянули, отрицали все те, кто якобы в ней участвовал. Фаребринка нельзя было обвинить в соучастии.

Но вот местная художница, которая в 1970-е училась в той же школе, что и Квик, заявила: она почти не сомневается, что видела Томаса на вокзале в Йелливаре незадолго до страшного убийства.

Доказано было и другое: накануне Квик действительно был в Йокмокке – об этом рассказала владелица украденного

велосипеда, подтвердившая, что неполадки в её транспортном средстве были в точности такими, как описал потенциальный убийца.

Но почему Квик несколько раз менял показания? Это суду попытался объяснить допрашивавший его следователь Сеппо Пенттинен. Дело в том, что убийца «должен был защитить своё внутреннее “я”, пытаясь придумать что-то, хотя бы отдалённо напоминающее правду». В целом, по словам Пенттинена, воспоминания Квика были ясны и отчётливы.

Свен-Оке Кристиансон изложил своё мнение о том, почему Квику трудно рассказывать об убийствах. Он указал на два противодействующих механизма, которые могут оказывать влияние на работу памяти. С одной стороны, травмирующие воспоминания важны для выживания, а с другой, человек не может «постоянно помнить всё пережитое зло»: важно уметь забывать его.

Кристиансон внимательно изучил функции памяти Томаса Квика и пришёл к выводу, что всё в полном порядке. Более того, на его взгляд, в воспоминаниях не было ничего такого, что могло бы заставить Томаса оклеветать себя.

Судмедэксперт и криминалист в один голос заявили: во время допросов Квик точно описал наиболее крупные ранения, нанесённые чете Стегехёйс, и его слова подтверждались материалом, который удалось собрать на месте преступления.

На суд произвели впечатление и показания Сеппо Пент-

тинена: он описал, как подробно Квик рассказывал о месте преступления уже на первом допросе. В решении значилось: «На основании изложенного суд приходит к выводу, что Квик вне всяких сомнений совершил рассмотренные деяния. Обстоятельства преступления указывают на то, что данное преступление является убийством».

Так Томаса Квика признали виновным в совершении трёх убийств. Но это был лишь начальный этап расследования.

Йенон Леви

Самое известное определение понятия «серийный убийца» дали сотрудники ФБР, которые приняли, что таковым следует считать лицо, совершившее три и более убийств в разные периоды времени. Многочисленные убийства, произошедшие за короткий срок, когда не было времени на «охлаждение» или «обдумывание», попадают в категорию «беспорядочных убийств».

Пока что Томаса Квика осудили «всего лишь» за три убийства в двух разных местах, так что формально его нельзя было причислить к когорте серийных убийц. Правда, во время расследования преступления на озере количество его признаний увеличилось, и теперь он мог называться таковым – во всяком случае, *in spe* ¹⁶.

О своих прошлых злодеяниях Квик далеко не всегда докладывал полиции напрямую. Журналист «Экспрессен» Пелле Тагессон в августе 1995 года рассказал о том, как в интервью его газете Томас Квик признался, что однажды «убил в Сконе», тем самым взяв на себя ответственность за убийство на сексуальной почве девятилетней Хелен Нильссон в Хёрбю, произошедшее в 1989 году. В том же интервью он заявил об убийствах двух мальчиков в Норвегии и двух муж-

¹⁶ *in spe* – в переводе с латыни «в будущем». 63 ТОМАС КВИК. История серийного убийцы

чин «где-то в центральной Швеции».

Кристера ван дер Кваста невероятно возмущали признания Квика: как он мог обойти терапевтов и следователей и отправиться напрямиком к журналистам?

«Очень надеюсь, что и я получу это признание», – сказал он.

Говоря намёками и оставляя зацепки то следователям, то терапевтам, то журналистам, Квик вёл игру в кошки-мышки, которая действовала на нервы не только ван дер Квасту.

СМИ, безусловно, имели важное – хоть и несколько неопределённое – значение для расследования убийств. Томасу Квику позволялось встречаться с любыми журналистами, к тому же он внимательно читал всё, что о нём писали. В очередной раз читая «Экспрессен», ван дер Кваст узнал, что одно из своих «новых» преступлений Квик совершил в провинции Даларна, и следователи тут же связали его слова со скандальным убийством израильтянина Йенона Леви, которое произошло на окраине шведской деревни Рёрсхюттан 11 июня 1988 года.

Двадцатичетырёхлетнего туриста Йенона Леви обнаружили мёртвым у лесной дороги в Даларне. В ходе расследования сразу появился подозреваемый, однако доказательств для обвинения было недостаточно.

С Квиком убийство в Рёрсхюттане долгое время связывали на неофициальном уровне. Прошло чуть больше месяца с момента следственного эксперимента на озере, когда Томас

Квик позвонил Сеппо Пенттинену. После беседы Пенттинен оставил краткую записку:

«В среду 19 августа в 19.45 нижеподписавшемуся позвонил Квик и рассказал, что его психическое состояние крайне тяжёлое и он желает сообщить информацию, которая вызывает в нём отчаяние и тревогу.

Касательно происшествия с израильтянином в Даларне Квик заявляет о том, что у него был сообщник».

Квик пояснил, что увидел Йенона Леви на небольшой улочке в городе Уппсала. Его пособник общался с Леви на английском, а затем они вместе сели в машину Квика и поехали в сторону Даларны, где подельники и убили юношу:

«Квик удерживал молодого человека, пока его сообщник бил юношу кулаками и “тяжёлым предметом из багажника”. Тело оставили на том же месте, даже не пытаясь скрыть следы преступления. Погибший не был повёрнут лицом вниз – скорее, он лежал на спине.

Квик упоминает, что видел статьи об этом событии, но из-за обуявших его сильных переживаний не смог рассмотреть фотографии, а потому и сами тексты читал не слишком внимательно».

Признание Квика в убийстве Йенона Леви не вызвало энтузиазма у следователей. Сеппо Пенттинен открыто заявил:

об этом преступлении газеты написали столь подробно, что Квик едва ли мог поведать полиции что-то новое.

Когда предварительное следствие по делу об убийстве на озере Аппояуре было завершено, Квика всё же расспросили о Йеноне Леви. На этот раз Томас рассказал, что был один, когда увидел Леви в Уппсале и уговорил его поехать в Фалун. Неподальёку от Салы они остановились у загородного домика, где Квик два раза ударил Леви камнем по голове, после чего положил мёртвое тело на заднее сидение и поехал дальше. В Рёрсхюттане он свернул на лесную дорогу, где избавился от тела юноши.

Расследование убийства Йенона Леви затягивалось, дело становилось всё запутаннее. Квик постоянно менял показания: сообщник то появлялся, то пропадал. Назывались разные места преступления – да и название улицы, на которой Квик познакомился с Леви, всё время оказывалось разным. А ещё Квик никак не мог определиться с орудием убийства.

В начале расследования он уверял, что убил Леви камнем, но это не соответствовало результатам экспертизы. На последующих допросах фигурировали домкрат, баллонный ключ, лопата, топорик, лом, полено и даже финские сани – но и эти предположения оказались неверными.

За год Квика допрашивали четырнадцать раз. Следователь Сеппо Пенттинен бывал с ним на месте преступления и дважды проводил следственный эксперимент. Во время второй попытки воссоздать ход событий Квик начал утвер-

ждать, что орудием убийства было «что-то похожее на поле-но».

– Здесь есть что-нибудь примерно такой длины? – спросил Пенттинен, показав руками расстояние около метра. Квик тут же подобрал дубинку подходящего размера, которая, как по мановению волшебной палочки, оказалась буквально под ногами.

Несмотря на то, что показания всё время менялись, Кристер ван дер Кваст был уверен: нет причин сомневаться в словах Квика.

– Проблема в том, что всплывающие у него воспомина-ния об убийствах фрагментарны, к тому же зачастую между преступлением и разговором о нём проходит слишком мно-го времени. Именно поэтому ему не удаётся связать эти об-рывки в единое целое, – пояснил прокурор, в точности по-вторяя слова психотерапевта из Сэтерской больницы, лечив-шего Квика.

Через полтора года, наполненных терапевтическими бе-седами, допросами и всё новыми и новыми следственными экспериментами, Томасу Квику наконец удалось структури-ровать свои обрывочные воспоминания и представить по-лиции более-менее связную историю. Теперь всё выглядело так: Квик и его помощник в Уппсале вынудили Йенона Леви уйти с перрона на парковку, где его силой затолкали в маши-ну. Затем сообщник, приставив нож к горлу Леви, не давал тому вырваться из автомобиля, а сидевший за рулём Квик

довёз компанию до места преступления.

10 апреля 1997 года Кристер ван дер Кваст подал иск в районный суд Хедемуры. О преступлении сообщалось следующее:

«В период с 5 по 11 июня 1988 года в Рёрсхюттане, в коммуне Хедемюра, Томас Квик лишил жизни Йенона Леви, ударив его тупым предметом по голове и груди».

Это был уже третий раз, когда Томасу Квику нужно было предстать перед судом по обвинению в убийстве, которое, по его словам, он совершил вместе с сообщником. И снова этот загадочный сообщник отсутствовал в зале суда. В решении суда упоминались его имя и фамилия, подробно описывались его действия, но поскольку он категорически отрицал свою вину, а у следствия не было достаточных улик, его причастность не могла быть доказана. «В данном деле допрос *НН* не играл бы никакой роли», – подытожил Кристер ван дер Кваст.

Районный суд Хедемуры был вынужден признать, что в ходе заседания «не было выявлено доказательств, прямо указывающих на причастность Томаса Квика к преступлению». Однако суд также отметил, что рассказ об убийстве был последовательным и не содержал каких-либо противоречий. Квик предоставил немало правдивых сведений и о месте преступления, и об одежде жертвы, и о повреждениях на теле убитого – по мнению суда, все эти факты соответствовали

заклучениям криминалистов и патологоанатома.

Квик упомянул и другие детали, указывающие на то, что он виновен: например, рассказал о ноже с искусно вырезанной деревянной ручкой. Нож нашли в сумке Леви, и он написал о нём в открытке, которую отправил матери.

Сеппо Пенттинен пояснил, что ошибки в показаниях Квика в общем-то не были такими уж серьёзными. Скажем, многочисленные безуспешные попытки вспомнить, чем было совершено преступление, объяснялись просто: у Пенттинена «сложилось впечатление, что Томас Квик с самого начала знал: орудием убийства послужила дубинка, но возникшее чувство отчаяния не позволяло ему рассказать об этом». Пенттинен описал допросы, в ходе которых история Квика постепенно приобретала всё более правдоподобные очертания, что нашло отражение в решении суда. Озвученные Квиком подробности зверского убийства, по мнению многих, могли быть известны только самому преступнику.

28 мая 1997 года Томаса Квика признали виновным в убийстве Йенона Леви:

«Суд находит, что слова Томаса Квика подтверждают собранные по делу улики.

Принимая во внимание признание, а также предоставленные доказательства, суд постановляет: признать Томаса Квика виновным в совершении этого деяния.

Таким образом, Томас Квик должен быть привлечён к ответственности за намеренное лишение жизни Йенона Леви».

И Квика вновь отправили на принудительное психиатрическое лечение.

Его признали виновным в совершении четырёх убийств, которые произошли в трёх разных местах. Теперь даже строгое определение ФБР позволяло официально отнести его к серийным убийцам.

Терес Юханнесен

Пока шло расследование убийства Йенона Леви, Томас Квик продолжал припоминать новые и новые преступления.

Одно из его признаний затрагивало смерть девятилетней Терес Юханнесен, которая 3 июля 1988 года бесследно исчезла из дома в районе Фьелль недалеко от норвежского Драммена.

Исчезновение девочки назвали самым громким уголовным делом в Норвегии, а начавшееся расследование стало крупнейшим из всех, что когда-либо проводились в стране: в нём была занята добрая сотня полицейских, и за первые годы они опросили 1721 человека. Полиция получила 4645 сообщений-наводок и зарегистрировала 13 685 случаев перемещения машин и людей в этом районе. Но результата не было.

Весной 1996 года убийством Терес Юханнесен и двух африканцев, пропавших в марте 1989 года из расположенного в Осло лагеря беженцев, занялась и шведская полиция, которая начала активно сотрудничать со своими норвежскими коллегами. Объяснялось это просто: Квик признался в убийстве всех троих.

Опыт подсказывал, что у серийных убийц нередко существует так называемый *modus operandi*¹⁷: одни, например,

¹⁷ *modus operandi* – в переводе с латинского – «образ действия». 69 ТОМАС

ищут жертву в определённой географической области, другие выбирают конкретный тип – скажем, мальчиков, проституток, занимающиеся любовью пары и так далее. Третьи убивают каким-то особенным образом – как, скажем, Тед Банди, который заманивал жертв (кстати, исключительно светлокожих женщин – представительниц среднего класса) в свою машину и убивал их, ударяя ломом по голове.

Именно поэтому многие скептически отнеслись к очередному признанию Квика: по какой-то причине он неожиданно изменил своим пристрастиям и убил девочку, которая к тому же проживала в Норвегии. Даже его бывший адвокат Гуннар Лундгрэн, до сих пор безоговорочно веривший своему клиенту, отнёсся к его заявлениям с изрядной долей недоверия.

«Очень странно, совсем не похоже на его обычное поведение», – сказал он.

Кристер ван дер Кваст согласился с тем, что убийство не соответствует сложившейся модели, но добавил: следователям «необходимо шире смотреть на вещи» и осознавать, что сам процесс убийства как таковой мог доставлять серийному убийце сексуальное удовлетворение.

26 апреля 1996 года Квик покинул Сэтер. Его сопровождали несколько полицейских, санитары, специалист по вопросам памяти Свен-Оке Кристиансон, психотерапевт Биргитта Столе и прокурор Кристер ван дер Кваст.

Квика отвезли во Фьелль. Там он показал, где встретил Терес и ударил её камнем, чтобы она потеряла сознание. Затем, по его словам, он отнёс девочку в машину и увёз в лес. Он уверял, что в 1988 году на этом месте был банк, а на земле лежали какие-то доски. Балконы, говорил он, за эти годы перекрасили. Всё это соответствовало действительности. Так Квик оказался подозреваемым в убийстве Терес.

На следующий день он уже руководил длинной процессией машин, которая направлялась по трассе Е 18 в сторону Швеции. Рядом с деревенькой Эрье Томас попросил свернуть на лесную дорогу, пообещав показать место, где он спрятал тело девочки. Он сказал, что разрезал тело на мелкие кусочки, бросив некоторые из них в лесное озеро Ринген. Решение далось непросто, но следователи всё же не видели иного выхода: озерцо следовало осушить, ведь на его дне покоились останки Терес.

Целых семь недель продолжался самый дорогой в истории Скандинавии осмотр места преступления. Воду из озера выкачали, дно раскопали, дойдя до слоя десятитысячелетней давности. Жидкость и ил тщательно отфильтровали и дважды скрупулёзно обследовали. Полиция не обнаружила ровным счётом ничего.

«Либо Томас Квик всё выдумал, либо ошибся местом. У нас есть все основания сомневаться в его словах», – заявил начальник полицейского управления Драммена Туре Йонсен, когда 17 июля на озере Ринген прекратили работу по-

следние насосы.

Норвежцы снова внимательно пересмотрели материалы дела Терес. Они не увидели ни лиц, ни транспортных средств, которые хоть как-то можно было связать с Томасом Квиком.

Многие не сомневались: теперь он уже не будет фигурировать в этом расследовании. А может быть, и в других тоже.

Но прошёл год, и Томас Квик вновь оказался в лесу близ городка Эрье со своей свитой из следователей и врачей.

– Он добился невероятных результатов. Затянувшаяся процедура оказалась для него невероятным стрессом, – пояснил адвокат Клаэс Боргстрём.

– В данный момент я убеждена, что убийство Терес совершил именно Квик, – заявила Инге-Лиса Эвербю в региональной прокуратуре Драммена. – Мы располагаем сведениями, что Томас Квик действительно находился в указанном лесу. Множество косвенных улик доказывает, что он был в Драммене, когда Терес исчезла.

Полиции удалось обнаружить якобы принадлежавший Квику плед, лезвие ножовки (его Квик бросил на месте преступления) и дерево с нацарапанным рисунком, оставленным, как утверждал Квик, им самим.

Но самой важной находкой, пожалуй, считали следы костра, на котором, по словам Квика, были сожжены части тела Терес. Найти это место помогла поисковая собака Зампо,

учуявшая запах останков. В золе криминалисты обнаружили несколько обугленных кусочков – если верить экспертам, это были случайно уцелевшие фрагменты детских костей.

«Найдена жертва Квика!» – кричал заголовок на целую полосу газеты «Дала-Демократен» от 14 ноября 1997 года.

Кристер ван дер Кваст светился от счастья: впервые следователям удалось триумфально пройти весь путь от полученных признаний Квика до обнаружения останков его жертвы. Крошечный обожжённый кусочек кости казался настоящим прорывом в расследовании.

«Недалеко от Эрье обнаружены останки человека в возрасте Терес Юханнесен. Томас Квик утверждает, что в 1988 году именно здесь он спрятал тело девятилетней девочки», – подытожил результаты экспертизы Губб-Ян Стигсон в «Дала-Демократен».

Благодаря новым уликам, найденным в лесу, полиция вновь бросила все силы на расследование убийства Терес. 13 марта 1998 года уверенный в своей правоте прокурор подал очередной иск против Квика в районный суд Хедемуры.

«На этот раз криминалисты собрали прекрасную доказательную базу», – сказал он.

Но подумать только, какое примечательное событие: искковое заявление, поданное в связи с совершённым в Норвегии убийством, оказалось в шведском суде. Процесс с участием судей из Хедемуры проходил в Стокгольме: только здесь имелись залы заседаний с повышенной системой безопасно-

сти. Ведь речь-то шла о настоящем маньяке.

Кристер ван дер Кваст гордился: Квик упомянул целых тридцать уникальных фактов, которые доказывали его причастность к убийству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.